

DOI: 10.26907/2074-0239-2020-59-1-100-104
УДК 821.161.1+801.731

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ТИШИНЫ В ПОВЕСТИ Б. ВАСИЛЬЕВА «А ЗОРИ ЗДЕСЬ ТИХИЕ...»

© Айгуль Салахова, Камилла Ликари

CONCEPTUAL REFLECTIONS ON SILENCE IN B. VASILIEV'S NOVEL "AND THE DAWNS HERE ARE QUIET..."

Aygul Salakhova, Camilla Licari

The purpose of this work is to consider the possibility and strategy of studying the conceptual content of the "silence" phenomenon in Boris Vasiliev's novel "And the Dawns Here Are Quiet...". The author recreates in a literary form an experience of the generation, which faced the tragic events of war, observed from a female perspective. The various strategies of narration help the author not to focus on the descriptions of war episodes, but to closely follow the private and non-heroic experiences of women-soldiers, resorting to the metaphor of silence as a universal and multi-valued figure of speech in world culture (including Russian literature), which allows B. Vasiliev to reveal the contrast of the unexpressed and inexpressible. This article examines the various shades of meaning and definitions of the discussed concept and its verbal realization, turning "silence" into an attribute not only of the characters' activities, but also of the surrounding world of nature and placing the characters into a mystical atmosphere. The article analyzes the conceptual triad content of "quietness", "silence" and "stillness", which is significant for decoding the author's intention to expand the understanding of the prosaic text. Therefore, we suggest working with specific units of the language expression of the concept in the course of text analysis as a strategy for fostering a linguoculturological competence (relevant both for schools and for the course of Russian as a foreign language).

Keywords: Russian literature, fictional text analysis, quietness, silence, stillness, Boris Vasiliev, linguoculturological competence, Russian as a foreign language.

Цель настоящей работы – рассмотрение возможностей и стратегии работы с концептуальным содержанием феномена тишины в повести Бориса Васильева «А зори здесь тихие...». Данное прозаическое произведение воссоздает в художественной форме непосредственный опыт поколения, столкнувшегося с трагическими событиями войны, наблюдаемыми с женской точки зрения. Используя различные литературные возможности нарратива, писатель фокусируется не на описании военных баталий, а на передаче и раскрытии частного «негероического» опыта женщин-солдат, прибегая к универсальной и многозначной в мировой культуре (в том числе русской литературе) метафоре тишины, позволяющей раскрыть контраст невыраженного и невыразимого. В рамках статьи рассмотрены разнообразные оттенки смысла и определения концепта «тишина», а также приведены конкретные языковые средства его объективации в тексте повести, превращающие тишину в атрибут не только деятельности персонажей, помещенных в мистическую атмосферу, но и окружающего мира природы. Авторами был проведен анализ концептуального содержания тишины в художественном тексте повести, результатом которого стало расширительное понимание семантики тишины за счет включения концептов «молчание» и «безмолвие», значимых для декодирования авторского замысла и расширительного понимания прозаического текста. Представляется продуктивным работать с конкретными единицами языкового выражения концепта при анализе художественного текста как одной из стратегий формирования лингвокультурологической компетенции учащихся (как в аудитории школьников, так и в аудитории студентов, изучающих русский язык как иностранный).

Ключевые слова: русская литература, анализ художественного текста, тишина, молчание, безмолвие, Борис Васильев, лингвокультурологическая компетенция, русский язык как иностранный.

Борис Васильев в повести «А зори здесь тихие...» (1969), широко используя палитру литературных возможностей нарратива – и миф, и сказ, и детектив, и притча – создает стилистически многослойное эпическое произведение, переводящее непосредственный опыт поколения в

художественную реконструкцию. Писатель опирался на факты реального военного эпизода с участием группы семерых солдат, остановивших немецкую диверсионную группу на Кировской железной дороге ценой жизни шестерых из них: «А потом вдруг придумалось – пусть у моего героя в подчинении будут не мужики, а молоденькие девчонки» [Олюшкин]. Крайне важно, что повесть «А зори здесь тихие...» была написана и опубликована почти через четверть века после окончания Великой Отечественной войны, что неизбежно влияет и на изменение фокуса повествования, и на метафоричность внутритекстовой реальности.

Сюжет повести «А зори здесь тихие...» слово вынесен за скобки значительных исторических событий, что обозначено в самом начале повести при характеристике места и времени действия: включая сводку о военном положении в мае 1942 года на западе, востоке, юге и севере, Б. Васильев помещает 171-ый разъезд в центр повествования, одновременно отчуждая его от происходящих событий: *...и поезда перестали здесь останавливаться. Немцы прекратили налеты* [Васильев]. Знаковой характеристикой пространства становится тишина: *От тишины и безделья солдаты млели, как в парной; <...> все первое отделение <...> загорало на казенном брезенте в чем мать родила. И хоть бы завизжали, что ли, для приличия, так нет же: уткнули носы в брезент, затаились* [Там же].

В названии повести писатель, избегая словотворчества, использует устоявшийся в языке эпитет *тихие* для характеристики зорь карельской глуши. Однако повтор фразы с усилением характеризующего признака (*тихие-тихие*) в начале третьей главы (завязка сюжета) и в эпилоге повести подчеркивает значимость этого эпитета для автора произведения, кроме того, повтор акцентирует глубину концептуального смысла тишины в повести Б. Васильева. Последнее очевидно подкрепляется и пунктуационным оформлением заглавия: избранное писателем многоточие усиливает недосказанность, становится знаком умолчания, исходя из его лексикографического описания [Современный толковый словарь русского языка, с. 353]. Следует особо подчеркнуть специфическую метаязыковую функцию многоточия, выходящую за рамки признаков «незаконченности» и «прерванности», о которой пишет М. Ю. Сидорова: «С помощью многоточия автор управляет темпом повествования, превращает мир из текучего, сплошного событийного потока в пунктирную линию, разрывы которой предоставляется заполнить читателю (или не заполнять, сочтя их несущественными)» [Сидо-

рова, с. 216]. Последующие предъявления заглавной фразы будут иметь иное значение, подкрепленное и контекстом, и пунктуацией.

Дальнейший анализ концептуального содержания образа тишины в повести направлен на декодирование авторского замысла в конкретных языковых средствах объективации концепта. Подобное рассмотрение спектра вербальной номинации концепта, вынесенного в заглавие, позволяет при работе с художественным текстом углублять понимание прочитанного (в том числе при работе на уроке – повесть Б. Васильева включена в школьную программу), стимулирует интерпретационную базу читателя и надсюжетное понимание текста (так, обе отечественные экранизации повести разных лет допускают минимальные отступления от сюжета, однако именно рецепция и реконструкция ключевых концептов произведения Б. Васильева различает фильмы С. Ростюцкого (1972) и Р. Давлетьярова (2015)).

В Словаре русской ментальности установочное определение тишины как полного отсутствия звуков уточняется за счет указания на «неопределенное беспокойство, чреватое новыми осложнениями, если человек настороже и ощущает опасность („в тихом омуте черти водятся“))» [Колесов, Колесова, Харитонов, т. 2, с. 382], а также расширяется в герменевтическом толковании, возводящем тишину до уровня атрибута, который (наряду с созерцательностью и страдальческим терпением) психологически и метафизически характеризует и «противопоставляет Россию западным народностям» [Там же]. В качестве признаков концептума в словаре представлены определения, отражающие два противоположных оттенка значения: первый из них связан с экзистенциальным пониманием тишины как знака покоя и мира, а второй – сближает тишину со смертью.

Работа с текстом повести Б. Васильева «А зори здесь тихие...» обнаруживает вербальную реализацию всех установленных выше признаков концепта (56 предъявлений). Тишина становится атрибутом деятельности персонажей повести:

- речемыслительной: *разговоры сразу утихли; беззвучно шептал; беззвучно повторила; тихо спросил(а); беззвучный крик* и т. п.;
- эмоциональной: *ненавидеть она научилась тихо; вздохнула тихо; втихаря порадовался; плакала беззвучно, без вздохов* и т. п.;
- физической: *жевавшую втихомолку; проили молча, беззвучно, как тени; глядела испуганно, тихо; боль приутихла* и т. п.

Принимая во внимание общее количество предъявлений, можно сделать вывод о том, что

чаще всего теряет звуковое выражение именно речевая деятельность (17) и физическая активность субъекта (14). Вербально выраженное утирование тихости в поведении персонажей военной повести обладает высокой степенью выразительности образа, представляя собой контраст беспокойному военному времени вокруг и максимально точно воспроизводя состояние настроенности человека (женщины) в беспокойном мире.

Не только физико-акустическое свойство феномена тишины, но и ее экзистенциальная и символическая наполненность актуализированы в тексте повести при описании природы карельской глуши:

- с одной стороны, поглощающей трагизм происходящего в лесу и на озере, даруя героям ощущение *как во сне*;

- с другой – неизбежно его сопровождающей: шесть смертей зенитчиц, включая *что-то жевавшую втихомолку* подносчицу, предвосхищены тишиной.

В отдельных случаях в повести «А зори здесь тихие...» тишина выступает синонимом тайны, что восходит к содержанию этого слова в латинском языке, где смыслы «тишина» и «тайна» имели общую форму [Большой латинско-русский словарь]: тишина сопровождает появление отряда из шестнадцати немцев вместо ожидаемых двух; собственное мистическое восприятие леса Васков приписывает и диверсантам (*ищи их там, в глухоте*); в загадочной тишине растворяются диверсанты и после сцены имитированного лесоповала на контрасте сцены *звонких баб да невидимых мужиков*. Тишина становится знаком приобщения к сакральному, что, в свою очередь, апеллирует к семантике латинского *silens* как «давших обет молчания» [Там же]. Своеобразный обет молчания дают и зенитчицы Комелькова (*Женька столько сил отдавала тишине*) и Четвертак (*И поэтому сказал Гале: <...> И, что б ни случилось, молчать. Молчать и про слезы забыть. Слушая его, Четвертак кивала поспешно и испуганно...*) [Васильев].

Пронизывающая повесть экзистенциальная тишина, будучи особенностью поведения персонажей по обе стороны фронта и характеристикой хронотопа, любопытным образом «перебивается» языковыми средствами объективации другого концепта – «молчание», имеющего в тексте экспрессивное и эмоциональное значение. «Молчанию трудно остаться тишиной. Оно в любом случае говорит» [Бибихин, с. 33], указывая на нарушение в акте коммуникации, слом экзистенциальной ситуацией потенциала коммуникативных ресурсов. Теодор Адорно в собствен-

ной «Эстетической теории» писал (применительно к поэзии П. Целана) о том, что можно «выразить самый крайний ужас через молчание» [Adorno, с. 477], которое в русской (и мировой) культурной традиции становится необходимым «и в присутствии смерти» [Колесов, Колесова, Харитонов, т.1, с. 455]. Таким образом, частотное предъявление языковых средств, мотивирующих концепт «молчание» (73), формирует не только акустическое художественное пространство повести «А зори здесь тихие...», тождественное «тишине», но и усложняет его за счет предикативной отнесенности действия «молчать» к субъекту и его иллюкутивной цели: «глагол молчать... предполагает возможность выполнения речевого действия» [Арутюнова, с. 418].

В тексте повести обнаружены разнообразные лексико-грамматические модели, репрезентирующие концепт «молчание»:

- прямое наименование действия, включая оттенки основного смысла (38), где наиболее частотным является употребление глагола *молчать* (18) как указывающего на продолжительность действия на фоне глаголов совершенного вида: обозначающих либо отсутствие вербализованной реакции в диалоге: *смолчать* (1), *промолчать* (10), либо прерывание жизненной активности, проявленное в прерывании речи: *замолчать* / *замолкнуть* (4/1), *смолкнуть* (1), *примолкнуть* (1), *помолчать* (2);

- отрицание действия *сказать* (6) как указание на физическую или психоэмоциональную неготовность участвовать в коммуникации, знак прерывания акта коммуникации и замену его невербальной реакцией: *Ничего не сказала, усмехнулась про себя; Отбросила назад волосы, глянула – прямо в душу глянула. Прямо в душу. И ничего больше не сказала. Ни утешений, ни шуточек, ни пустых слов и т. п.*;

- наречие образа или способа действия (13), в том числе при совершении ритуального действия (3): *работали молча, споро* – при захоронении С. Гурвич; *молча мешок развязал, достал черствый хлеб, сало, фляжку. Налил в три кружки, хлеба наломал, сала нарезал. Роздал бойцам и поднял кружку* – в немой сцене организации «поминок» перед сообщением о смерти Г. Четвертак и Л. Бричкиной; *молча сел рядом* – в ответ на вопрос о смерти Ж. Комельковой;

- метонимический перенос (6) на природные объекты и оружие: *молчали кусты; тот берег молчал; враз смолк огонь; его автомат щелкнул в последний раз и замолк*;

- описание этикетного жеста, характеризующего молчанием (2) – при характеристике гендерных отношений вне войны: *даже простились*

не за руку: просто кивнули друг другу, и все; боялся ляпнуть не то, сделать не так, а уж о том, чтобы войти куда без стука, не могло теперь быть и речи.

Как уже было отмечено выше, тождественные акустически (отсутствие звуков), но различные с точки зрения отнесенности (к бытию или к субъекту) и внутренней коммуникативной структуры (отсутствие или наличие темы) концепты «тишина» и «молчание» формируют особенную метафоричность при описании трагедии невыразимости внутреннего мира на фоне военной действительности, эпичность которой подчеркнута в самом начале повести. Первоначальный контраст природной живости молодых зенитчиц, которые оказались деваками шумными и задиристыми, и уставной некоммуникабельности бывалого Васкова, нивелированный тишиной и молчанием, усиливающимися по ходу развития сюжета, отражает ограниченность вербальных средств для полноты реконструкции конкретного опыта войны.

В конце четвертой главы повести Б. Васильева семантика тишины усложняется за счет включения высшей формы концепта – «безмолвия» – при упоминании об искавшем его монахе Легонте. Референции к монашескому отшельничеству актуализируют семантику невыразимого как представления о сверхзначимом, доступном через послушание, самоуничужение и молчание, оттого столь легко доступного зенитчицам: *Безмолвия здесь хватает*. Соединяя атрибуты молчания как сдерживания звука (прежде всего речи) и тишины как его отсутствия (прежде всего в мире), безмолвие становится условием познания бытия, прикосновением к его духовному смыслу. Отсылая к своей противоположности и завися от нее, по утверждению С. Сонтаг [Сонтаг, с. 12], метафора безмолвия становится способом концентрирования смыслов в повести, объединяя сцены чтения вслух стихов Блока С. Гурвич, предсмертного признания Риты Осяниной и эпилога. Исполненный возвышенной скорби и трагической героики пейзаж карельских озер становится над-материальным воплощением красоты мира, которую призваны ценить и защищать люди. Так, обнаруживший себя в эпилоге рассказчик изначально апофатически характеризует место своего пребывания, однако финальными строчками достраивает смысл окружающего безмолвия: *Здесь, оказывается, тоже воевали... Воевали, когда нас с тобой еще не было на свете <...> А зори-то здесь тихие-тихие, только сегодня разглядел* [Васильев].

На материале повести Б. Васильева мы стремились показать возможности и стратегии рабо-

ты с концептуальным содержанием феномена тишины. По нашему глубокому убеждению, подобный анализ направлен на декодирование авторского замысла: речь идет о культуре понимания как о культуре интерпретации [Демьянков, с. 319], в рамках филологии позволяющей не только «понять самому», но и «объяснить и / или обосновать это понимание другим» [Там же, с. 309]. Преимущества, как очевидно, состоят в расширительном понимании феномена художественного текста, передаче нематериального содержания культуры, демонстрации принципа работы с социокультурным восприятием культурных концептов.

Список литературы

- Арутюнова Н. Д. Феномен молчания // Язык о языке. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 417–436.
- Бибихин В. Язык философии. М.: Litres, 2013. 417 с.
- Большой латинско-русский словарь. Vocabularium latinorvssicum magnvm / По материалам словаря И. Х. Дворецкого. URL: <http://linguaeterna.com/vocabula/index.php> (дата обращения: 12.01.2020)
- Васильев Б. А зори здесь тихие... // Militera.lib.ru: Проект «Военная литература». URL: <http://militera.lib.ru/prose/russian/vasilyev1/index.html> (дата обращения: 12.10.2019)
- Демьянков В. З. Лингвистическая интерпретация текста: Универсальные и национальные (идиоэтнические) стратегии // Язык и культура: Факты и ценности. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 309–323.
- Колесов В. В., Колесова Д. В., Харитонов А. А. Словарь русской ментальности. В 2т. Т.1. А–О. СПб.: Златоуст, 2014. 592 с.
- Колесов В. В., Колесова Д. В., Харитонов А. А. Словарь русской ментальности. В 2т. Т.2. П–Я. СПб.: Златоуст, 2014. 592 с.
- Олюшкин К. Расшифровка аудиозаписи беседы с Б. Васильевым в октябре 2003 г. // Интернет-журнал «Лицей», 2013, 25 марта. URL: <https://gazeta-licey.ru/public/lyceumconversation/5261-boris-vasilev-xochu-pozhelat-chtoby-vsem-nam-bylo-xot-chutochku-legche-zhit> (дата обращения: 12.01.2020)
- Сидорова М. Ю. ...Многообразие русского человека... (по материалам открытых Интернет-дневников) // Традиции и тенденции в современной грамматической науке. Вопросы русского языкознания. Вып. 12. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2005. С. 212–221.
- Современный толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2002. 960 с.
- Сонтаг С. Эстетика безмолвия // Сонтаг С. Образцы безоглядной воли. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. С. 7–44.
- Adorno T. W. Ästhetische Theorie. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1973. 571 S.

References

- Adorno, T. W. (1973). *Aesthetische Theorie* [Aesthetic Theory]. 571 p. Frankfurt am Main, Suhrkamp. (In German)
- Arutiunova, N. D. (2000). *Fenomen molchaniia* [The Phenomenon of Silence]. *Iazyk o iazyke*. Pp. 417–436. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury. (In Russian)
- Bibikhin, V. (2013). *Iazyk filosofii* [The Language of Philosophy]. 417 p. Moscow, Litres. (In Russian)
- Bol'shoi latinsko-russkii slovar'. Vocabularium latinorvssicvm magnvm* [Big Latin-Russian Dictionary. Vocabularium latinorvssicvm magnvm]. Based on materials from the dictionary of I. Kh. Dvoretzky. URL: <http://linguaeterna.com/vocabula/index.php> (accessed: 12.01.2020). (In Latin, in Russian)
- Dem'iankov, V. Z. (2001). *Lingvisticheskaia interpretatsiia teksta: Universal'nye i natsional'nye (idioetnicheskie) strategii* [Linguistic Interpretation of the Text: Universal and National (Idio-Ethnic) Strategies]. *Iazyk i kul'tura: Fakty i tsennosti*. Pp. 309–323. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury. (In Russian)
- Kolesov, V. V., Kolesova, D. V., Kharitonov, A. A. (2014). *Slovar' russkoi mental'nosti* [Dictionary of Russian Mentality]. In 2 Vol. Vol. I, A – O. 592 p. St. Petersburg, Zlatoust. (In Russian)
- Kolesov, V. V., Kolesova, D. V., Kharitonov, A. A. (2014). *Slovar' russkoi mental'nosti* [Dictionary of Russian Mentality]. In 2 vol. Vol. II, P – Ia. 592 p. St. Petersburg, Zlatoust. (In Russian)
- Oliushkin, K. (2013). *Rasshifrovka audiozapisi besedy s B. Vasil'evym v oktiabre 2003 g.* [Conversation Transcript of the Audio Recording Interview with B. Vasil'ev, in October, 2003]. *Internet-zhurnal "Litsei"*, March 25, 2013. URL: <https://gazeta-licey.ru/public/lyceumconversation/5261-boris-vasilev-xochu-pozhelat-ctoby-vsem-nam-bylo-xot-chutochku-legche-zhit> (accessed: 12.01.2020). (In Russian)
- Sidorova, M. Iu. (2005). *...Mnogotochie russkogo cheloveka...* (po materialam otkrytykh Internet-dnevnikov) [... The Ellipsis of a Russian Person ... (based on materials from open Internet diaries)]. *Traditsii i tendentsii v sovremennoi grammaticheskoi nauke. Voprosy russkogo iazykoznaniiia*. Issue 12, pp. 212–221. Moscow, Moscow University Press. (In Russian)
- Sontag, S. (2018). *Estetika bezmolviia* [The Aesthetic of Silence]. Sontag, S. *Obraztsy bezogladnoi voli* [Styles of Radical Will]. Pp. 7–44. Moscow, Ad Marginem Press. (In Russian)
- Sovremennyi tolkovyi slovar' russkogo iazyka* (2002) [Modern Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Ch. ed. S. A. Kuznetsov. 906 p. St. Petersburg, Norint. (In Russian)
- Vasil'ev, B. (1977). *A zori zdes' tikhie...* [And the Dawns Here Are Quiet ...]. URL: <http://militera.lib.ru/prose/russian/vasilyev1/index.html> (accessed: 12.10.2019). (In Russian)

The article was submitted on 19.02.2020

Поступила в редакцию 19.02.2020

Салахова Айгуль Рестамовна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
aygul.salahova@gmail.com

Ликари Камилла,
магистрант,
департамент современных языков, литератур
и культур,
Болонский университет,
40124, Италия, Болонья,
Картолерия, 5.
camilla.licari@studio.unibo.it

Salakhova Aygul Restamovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
aygul.salahova@gmail.com

Licari Camilla,
Master student,
Department of Modern Languages, Literatures
and Cultures,
Bologna University,
5 Cartoleria Str.,
Bologna, 40124, Italy.
camilla.licari@studio.unibo.it